

21.9.99

Как и всякому русскому актеру XX века, Николаю Анненкову приходилось играть и «советские» роли (Геннадий в спектакле «Огненный мост», 1933 год)

Его одногодки — Андрей Платонов, Дюк Эллингтон, Владимир Набоков, Альфред Хичкок... Поколение титанов, у которых даже заблуждения были искренними и великими. А уж достижения!.. Богатыри, одним словом, не мы.

Ольга ФУКС

Когда Николай Александрович Анненков в роли схимника Левкия призывает царя сложить венец или когда-то в роли Фирса тоскует о забытом человеке, не только зрителей, но и партнеров по сцене охватывает какой-то священный трепет. Как будто явился посланец из другого мира, где театр без всяких скидок и поправок действительно был храмом, а актер — священнослужителем. «Ты должен уважать те подмошки, которые ты выбрал, уважать сам и заставить уважать других. Это твоя судьба. Или священнодействуй, или убирайся отсюда вон. Когда у Веры Пашенной спрашивали то же, что вы у меня, про театр, она отвечала: «Вот я иду на сцену из уборной загримиро-

Священнодействуй, или убирайся вон!

Веч.
Москва —
1999 — 21
сент. — с. 5

Свое столетие Николай Анненков встретит сегодня на сцене

ванная, об меня можно спичку зажигать!».

Схимник и Фирс — это две последние роли Анненкова. А всего их было более трехсот! Григорий Отрепьев, Жадов, Белогоубов, Черкун, Белугин, Незнамов, Грозный, Протасов, Рюи Блаз, Фамусов, Городничий, Иосиф Аримафейский, Глостер... И каждую он помнит чуть ли не дословно, начиная с Щеткина в «Детях Ванюшина», которого недавно мобилизовавший из Красной Армии Николай Кокин (еще не «Анненков») играл в Народном театре, или Швонди («Любовь Яровая»), когда он заменил знаменитого Степана Кузнецова, внезапно сломавшего ногу, да так с тех пор и играл эту роль. «Роли для меня, как дети. Я ведь не играл на сцене. Я жил. Как и сейчас, говоря с вами, я ж и в у, а не просто что-то придумываю».

Только одну роль Николай Александрович не помнит. Однажды его, играющего эпизод, буквально уломали заменить исполнителя главной роли, который так и не пришел на спектакль. Анненков «выехал» тогда на своем умении говорить со сцены веско и многозначительно, да на суфлере (а культура этой фактически исчезнувшей сегодня профессии тогда была такова, что суфлеры подавали актерам не только реплики, но и все интонации). Выехать-то выехал, но как потом до дома дошел — не помнил. От пережитого волнения очулся лежащим дома на постели одетым.

Коля Кокин родился в Тамбовской губернии, в купеческой семье. Окончил Тамбовское реальное училище, поступил в институт путей сообщения. Добровольцем ушел в Красную Армию. Играл любительские спектакли в Павловском Посаде (на культурные нужды кавалерийского полка нужно было зарабатывать самостоятельно), познакомился с матерью Елены Гоголевой, провинциальной актрисой. Та под впе-

Анатолий ХРУГОВ

Николай Анненков все-таки не выдержал и начал читать своего любимого державинского «Бога»

чатлением от таланта молодого красногвардейца посоветовала ему показаться своей знаменитой дочери. Показывался он не столько Гоголевой, сколько комиссии Театральных Мастерских при Малом театре, был принят и еще будучи студентом стал играть на этой сцене. Позже появился псевдоним Анненков — в честь декабриста и женщин по имени Анна, матери и первой возлюбленной.

«В Москве на сегодняшний день нет артиста, который обладал бы таким голосом и такой неистовой подачей», — говорит Юрий Соломин. — В нем поражает масштабность, которая выражается не в каких-то там намеках... Он последний актер

из той плеяды, которая царила здесь еще 25 лет назад, — Шatroва, Зеркалова, Гоголева, Царев, Ильинский, Светловидов, Жаров, Бабочкин, Любезнов. В 65-м году я играл Хлестакова, оказавшись на одной сцене с ними — никто из них не уходил со сцены без грома аплодисментов. У Николая Александровича основная черта — благородство, не-прохиндейство. Он всегда давал нам советы, учил, но не потому, что он старше, а потому, что творчески подходил ко всему. Мы по молодости от него даже бегали. Потому что припрет буквально к стенке и начинает учить. В этот момент ему можно было сказать: «Николай Александрович, а вы в этом месте непра-

вильно играете. — Да?! Я подумаю». (Он всегда принимает все замечания, а я имел наглость ему их говорить.) А на следующий день загонит в угол: «Слушай, а ты прав».

Николай Анненков 18 лет был парторгом Малого театра. При том, что по-своему он очень верующий человек: «Я верю в Державина, который написал стихотворение «Бог». Я не буду его сейчас читать — это на двенадцать минут. Только суть скажу. Он говорил, что Бог — в самом человеке. Это стихотворение переведено на все языки мира (Николай Александрович говорит «язычки» и, не выдержав соблазна, начинает все-таки читать державинского «Бога» своим переливчатым и страстным, как сдержанное рыдание, баритоном, легко и неумолимо взмывающим под колосники). Его вера в человека и искусство покоится на трех «китах»: Михаиле Щепкине, Константине Станиславском и Иване Павлове. Будучи до мозга костей актером Малого театра, он всегда стремился «организовать подсознание» и проанализировать такую эфемерную вещь, как творчество актера, не очень, впрочем, надеясь стать в этом деле истиной в последней инстанции: «Как правило, я отталкиваюсь от чувств, впереди идет сердце, потом воля, а затем, еле поспевая, «шлепает» ум». Именно страсть разобратся в профессии заставила его, например, шесть лет посещать лекции мхатовца и «системщика» Михаила Кедрова, хотя известности ему уже тогда было не занимать.

Из своей сотни лет пятьдесят Николай Александрович преподает, а последнее время еще и ректорствует в Щепкинском училище. Учеников у него примерно столько же, сколько и ролей, — около трехсот. Всех, конечно же, запомнить трудно. Но одно имя он вспоминает сразу и всегда — Олег Даль. Чуть подумав, добавляет Павла Луспекаева.

Анненков Николай